

А. А. Хохлов

ПАСКАЛЬ БУАЙЁ О ПРИРОДЕ РЕЛИГИОЗНОГО МЫШЛЕНИЯ.

**Рецензия на монографию: Буайё П. Объясняя религию.
Природа религиозного мышления.
Пер. с фр. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017 — 496 с.**

Статья представляет собой рецензию на книгу известного французского антрополога Паскаля Буайё, который является также специалистом в области когнитивистики и эволюционной психологии. С одной стороны, автор показывает специфику концепции ученого в контексте современных теорий происхождения религиозного сознания, с другой стороны отмечает ограниченность подхода подобных исследований. При этом фиксируется важность выводов П. Буайё о несводимости религиозности к области психофизиологии.

Ключевые слова: религия, религиоведение, психология, биология, мышление, антропология, Паскаль Буайё.

В 2017 г. издательством «Альпина нон-фикшн» была переиздана работа известного французского антрополога Паскаля Буайё «Объясняя религию. Природа религиозного мышления». Это стало знаковым событием не только для российского академического сообщества, исследовательские интересы которого прямо или косвенно касаются вопросов религии, но и широкого круга читателей, имеющих привычку обременять свой мозг столь нетривиальными проблемами. Между тем, несмотря на то, что сама работа на французском языке была издана еще в 2001 г., отечественная публика проявила к ее новой русскоязычной версии устойчивый интерес. Показателем этого стала презентация книги в Литературном кафе в Москве в мае 2017 г., собравшая большое количество читателей, активное тиражирование (в ряде случаев незаконное) копий работы в сети Интернет, а также ее интенсивное обсуждение в социальных медиа.

Интерес к творению П. Буайё, как нам представляется, обусловлен несколькими причинами. Во-первых, удачным заглавием работы, сулящем раскрытие таинственной природы религиозного мышления человека и ответ на фундаментальный вопрос бытия: кто мы, откуда мы и куда идем? Во-вторых, авторитетом автора. Паскаль Буайё — всемирно известный специалист в области когнитивистики и эволюционной психологии, антрополог и этнолог. Еще в 1994 г. он опубликовал фундаментальный труд «Естественность религиозных идей», получивший широкое научное признание. С тех пор интерес к изысканиям этого ученого не ослабевал. В-третьих, рассмотрением предмета исследования сквозь призму все более набирающего популярность когнитивного религиоведения. К слову, эта научная дисциплина рассматривает религию, как элемент социально-биологической эволюции гоминид и опирается исключительно на рационалистический инструментарий, что не может не привлекать внимания молодого, в значительной степени секуляризованного, поколения. В-четвертых, эффективной маркетинговой кампании, сделавшей информацию о книге максимально доступной, и сумевшей преподнести издание как нечто принципиально новое. Заслуга в этом принадлежит Просветительскому фонду «Эволюция», основанному в 2015 г.,

Александр Анатольевич Хохлов — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета (отделение этнологии и антропологии) (a_radiance@mail.ru).

и ставящему своей целью «популяризацию научного мировоззрения, продвижение здравомыслия и гуманистических ценностей, развитие науки и образования».

Данную работу стоит прочитать. Хотя, признаться, сделать это не так просто, равно как и вынести ей обоснованный вердикт. Имеющий место междисциплинарный разрыв, а также личная религиозность, испытывающая в ходе знакомства с сочинением нешуточное давление, как ни крути, играют свою роль. Прочтение книги также затрудняет язык и логика изложения авторской концепции. Впрочем, эти моменты вполне можно списать на адекватность перевода, его удачность и, в целом, способность переводчика проникнуть в замысел иноязычного и инокультурного исследователя.

Начало книги выглядит многообещающим. Автор сразу же дает понять, что подплеку религиозных верований и обрядов следует искать не в существовании некой трансцендентной реальности, культурной или духовной традиции того или иного общества, а в «святой святых» человека — в принципах устройства и работы его психики. Психики всех людей, а не только верующих (с. 11). Собственно, в обнаружении неких глубинных неврологических универсалий П. Буайе и видит свою основную задачу. Он пишет: «Открытия, на которые я буду ссылаться, универсальны для психики любого человека (мужчины, женщины, британца, бразильца, старого, молодого — неважно) (с. 11). И здесь на помощь ученому должны прийти когнитивная психология и антропология, лингвистика и эволюционная биология — словом, широкий спектр научных дисциплин, наработки которых посредством междисциплинарного синтеза помогут максимально приблизиться к разгадке тайны природы религиозного мышления.

За основу исследования П. Буайе берет не абстрактные и умозрительные понятия и категории, существующие только в умах отдельных интеллектуалов, а самый что ни на есть материальный субстрат, имеющийся у каждого представителя рода *Homo sapiens sapiens* — головной мозг. Следовательно, цель состоит в том, чтобы, наконец, разобраться, как человеческий мозг воспринимает и структурирует данные, каковы механизмы его работы и почему религиозные идеи находят в нем почву. Впрочем, как признается сам автор, наличие развитого мозга само по себе не означает наличия в психике человека религии.

Что ж, замысел весьма благороден, а в верности намеченной логики вряд ли кто посмеет сомневаться. Но, прежде чем приступить к этому многотрудному делу, П. Буайе стремится расширить кругозор читателя. Он последовательно рассматривает гипотезы происхождения религии, задействуя «апофатическую» методологию. В данном случае широкого взглядов антрополога и солидный опыт полевых исследований (П. Буайе много лет провел в экспедициях в Камеруне и ряде других стран Западной и Центральной Африки) делают эту часть его работы шедевром религиозно-ведческого анализа.

Антрополог остужает ожидаемый дискуссионный пыл кабинетных теоретиков, постулирующих спасительную сущность религии, и пронизательно замечает: «Человек, заявляющий: «Религия — это облеченная в доктрину вера, которая учит, как спасти душу, повинувшись мудрому и вечному Создателю мира», явно мало путешествовал и недостаточно читал» (с. 21). Социальные (и научные) стереотипы утверждают, что человеческое знание жаждет объяснений, человеческое сердце нуждается в утешении, обществу требуется порядок, а человеческий разум склонен к иллюзиям. На этих предпосылках якобы и строится основание религии. Между тем обширные эмпирические данные, собранные исследователями-путешественниками в течение последних десятилетий в различных уголках планеты, безжалостно ниспровергают состоятельность этих установок. Сегодня очевидно, что не всякой культуре свойственна потребность в объяснении мироздания. А если она все же наличествует, то ее природа принципиально отлична от той, которую мы, представители западной цивилизации, привыкли себе рисовать. «В обычном случае, — пишет П. Буайе, — объяснения основываются на доступных фактах, которые реорганизуются таким образом, чтобы

происходящее представало в более понятном свете. Объяснение не подразумевает потока ничем не связанных между собой мыслей. Смысл объяснения — обеспечить контекст, в котором явление покажется менее загадочным, чем прежде, и будет лучше складываться в привычную картину мира. Религиозные объяснения зачастую словно преследуют совсем иную цель, только усугубляя загадочность. Как выразился антрополог Дэн Спербер, религия не столько объясняет происходящее, сколько задает нам «релевантные загадки» (с. 26).

Дальше — больше. Так, восприятие религии, как пути спасения бессмертной души, кажется нам, европейцам, вполне естественным, поскольку характерно для авраамической традиции. Но в мире существует множество верований, не обещающих ни спасения, ни освобождения души, и вообще никак не затрагивающих ее судьбу (с. 18). В этих верованиях судьба души никак не зависит от того, праведную или неправедную жизнь прожил человек. Усопший становится духом или предком. Так происходит со всеми, никакого высшего суда не требуется (с. 19). Парадоксально, но бывает и религия без веры. Примеч дrevняя и аутентичная. Представители племени фанг, с которыми посчастливилось работать антропологу, не *верят* в существование духов. Они просто *знают*, что те существуют, как существуют животные, деревья и природа (с. 20–21). «То, что мы называем верой, другие могут считать знанием», — заключает П. Буайе. В конечном счете, выдвигая общие объяснения для религии, хорошо бы для начала удостовериться, что они применимы не только к знакомой нам конфессии (с. 21). И с этим утверждением исследователя трудно не согласиться.

Однако какова же тогда природа религиозного мышления, согласно самому П. Буайе? Ученый, основываясь на доступных ему научных данных, постулирует, что у человека не существует религиозного инстинкта, особой природной склонности или предрасположенности к религиозным понятиям, особого религиозного центра в мозге (с. 440). Вера и убеждения — лишь побочный продукт тех специализированных областей мозга, которые при прочих условиях призваны решать иные когнитивные задачи. То, что мы привычно называем религиозным сознанием, является следствием работы системы логического вывода, которая инициирует множество различных комбинаций представлений и значимых событий человеческой жизни. Отсюда и то удивительное религиозное многообразие, которое мы сегодня имеем возможность наблюдать в мире. Оно вполне могло бы быть значительно шире, если бы не эволюционный отбор наиболее жизнестойких и пластичных доктрин. На этом фоне проступает сложный и многоликий механизм эволюции человеческого сознания, процесс многократных трансформаций которого вполне способна отследить наука. «Обнаружить вместо «серого кардинала» и однозначной схемы целый комплекс процессов, которые мы можем изучать — такое в науке случается, и это всегда к лучшему», — заключает исследователь (с. 441). Здесь нет места трансцендентному началу и его упорядочивающему разумному замыслу, а поэтому история религиозного сознания изобилует энтропийными и неэнтропийными признаками, во многом хаотична и подчас не имеет четкого вектора развития. Именно поэтому в ней встречаются как варианты психической нормы, характерной для конкретного исторического периода, так и отклонения. Частным, но красноречивым примером служит синдром обсессивно-компульсивного расстройства. Говоря иными словами — заикленности на повторении тех или иных действий, наблюдаемые в психиатрической клинической практике. Он поразительным образом схож с некоторыми религиозными обрядовыми практиками (с. 321–322). Между тем природа ОКР, как уверяет П. Буайе, носит нейробиологический характер, коренится в нарушениях планирующей функции мозга и, что не менее важно, успешно поддается медикаментозному лечению. При этом смысл и назначение религии обуславливается преимущественно ее социальными функциями. Она структурирует и упорядочивает систему межличностной и групповой коммуникации, регулирует социальное насилие и кристаллизацию нравственных норм, что на протяжении сотен тысяч лет привело к формированию особой формы социального интеллекта (43–44).

В своей теории в части передачи религиозности от поколения к поколению П. Буайе частично следует концепции мемов генетика Ричарда Докинза, изложенной последним еще в 1976 г. в работе «Эгоистичный ген». Согласно Докинзу, культура есть популяция мемов — самокопирующихся репликаторов, аналогичных генам. Как гены выстраивают организм, реплицируются, позволяя ему продолжить существование, так и мемы (единицы культурной информации: понятия, ценности, мифы) обеспечивают существование культуры и ее передачу из поколения в поколение. Принимая точку зрения Р. Докинза, П. Буайе экстраполирует ее на религию, поскольку последняя является элементом человеческой культуры. В таком случае закономерно, что передача религии происходит от человека к человеку как бы генетически (с. 13). В этом вопросе исследователь дополнительно апеллирует к Ч. Ламсдену, Э. Уилсону, Р. Бойду и другим специалистам, и находит у них поддержку.

Однако П. Буайе одновременно не боится открыто признать ограниченность модели мемов: «Мы не просто передаем полученную информацию дальше. Мы обрабатываем ее и создаем на ее основе новую, часть из которой сообщаем другим. Некоторым антропологам в этом видится приговор попыткам объяснить культуру через мемы. То, что мы называем культурой, — это сходство между мысленными образами отдельных людей в определенных областях. Но как же в принципе образуется сходство, если образы поступают из стольких источников и подвергаются такому количеству изменений?» (с. 59). Поэтому исследователь вводит категорию шаблона. Шаблоны — одно из средств, благодаря которым у разных людей возникают схожие образы, несмотря на отсутствие идеального канала «перекачки» информации из сознания в сознание (с. 66–67). Шаблоны программируются в сознании представителей того или иного сообщества. Но не хаотично, а в рамках вполне конкретных упорядочивающих принципов и механизмов, имеющих место в человеческом сознании. К примеру, правила хорошего тона в разных местностях очень сильно различаются. На Западе присесть к хозяину дома на колени было бы непозволительной грубостью, в Камеруне в некоторых случаях это знак величайшего уважения. Понятия различаются, но есть общий шаблон *достоинства* и действий, которые могут его уронить (с. 66).

Набор шаблонов варьируется в зависимости от общества, в котором человек живет. Оно же оказывает и определяющее влияние на формирование у индивида ощущения различий по биологическим или социальным признакам. Согласно исследованиям, дети почти не обращают внимания на внешние признаки (к примеру, цвет кожи), которые традиционно считаются основанием для расового или иного размежевания. Это требует особого культурного научения. Следовательно, христианам, мусульманами, буддистами и т. д. не рождаются, а становятся, что актуализирует вопрос «магии общества».

Таким образом, в целом концепция П. Буайе достаточно стройна и мало противоречива. Но, все же, после прочтения данной работы остается некий привкус разочарования. И причина этого заключается в следующем. Несмотря на то, что автор в самом начале работы обещает концентрироваться на механизмах работы человеческого мозга, делает он это посредством анализа его психологических производных, а не нейронного субстрата, как того можно было бы ожидать. В этом усматривается ограниченность методологии Буайе. Предвкусая анализ работы функциональных центров головного мозга, соотношения вклада в проецирование психических процессов палео-, архео- и неокортекса в рамках исследования проблем религиозного сознания (раз уж значительный посыл был именно таким), читателю приходится довольствоваться знакомством с психологическими построениями автора, зачастую переходящими в чисто абстрактную и умозрительную плоскость. Между тем достоверность последних обладает известной степенью условности, поскольку сегодня становится все более очевидным, что психические процессы и их проявления детерминированы бесконечной индивидуальной вариабельностью корковых и подкорковых структур человеческого мозга, их размерами, наличием или отсутствием подполей, размерами лимитрофных

адаптаций, обуславливающих степень архаичности и специализации мозга конкретного человека и т. д. Данный факт, благодаря работам советских неврологов И. Н. Филимонова и Е. П. Кононовой, сегодня в науке является доказанным¹. Но автор игнорирует эти данные. Зачастую довольно рискованно обращать свой взор на результаты психологических тестов на предмет нравственности и религиозных склонностей у тех же детей, поскольку их поведенческие особенности (и возможности) полностью обусловлены уровнем развития (созревания) нейрональных структур головного мозга, в зависимости от периода — раннего детства, первого, второго периода детства и т. д., а, следовательно, хотя они и укладываются в рамки неких общих закономерностей, но так же глубоко индивидуальны. Между тем все это было четко установлено в СССР еще в 1960-х гг., и нашло отражение в работах профессора С. А. Саркисова².

Допустимо, что западные исследователи традиционно проявляют слабый интерес к советско-российским научным достижениям. Это, в конечном счете, можно списать на слабость или полное отсутствие маркетинга отечественной науки, как и некоторое зазнайство американских и европейских коллег. Но ведь и на Западе исследования на тему религиозного сознания были достаточно плодотворными. Так, еще в 1997 г. (в тот самый период, когда П. Буайе трудился над своей работой) докторами медицины Джеффри Сальвером (Jeffrey L. Salver) и Джоном Рабиным (John Rabin) в официальном журнале Американской психоневрологической ассоциации была опубликована пространная статья, посвященная нейробиологическим субстратам религиозного опыта. Эти специалисты уверенно отмечали локализацию религиозных импульсов в лимбической системе — древнейшей и чрезвычайно консервативной части человеческого мозга. Это, по крайней мере, дает основание вскрывать органическую природу религиозных переживаний и утверждать их чрезвычайную древность. Причем не посредством анализа косвенных свидетельств, археологических артефактов или этнографических наблюдений, а неврологического субстрата со всеми вытекающими последствиями. Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. стремительное развитие нейробиологии привело к формированию промежуточной дисциплины — нейротеологии. Очевидно, ее данные могли бы существенно обогатить работу П. Буайе. Но, французский антрополог, многократно повторяя «это заложено в мозге», «является следствием работы мозга», прямых доказательств выдвинутых тезисов не приводит. В указанном смысле даже адаптированная для неспециалиста работа Метью Альпера «Бог и мозг», написанная примерно в то же время, выглядит куда более выигрышно³.

Впрочем, в любом случае, хочется поблагодарить П. Буайе и фонд «Эволюция» за предоставленную возможность еще раз окунуться в вопрос природы религиозного мышления. Для верующего и думающего человека, несмотря на отторгающий материализм автора и его уверенную аргументацию, это чтение все же не станет шагом на пути к атеизму. Напротив, оно расширит его кругозор и обогатит. Но при этом неизбежно поставит ряд проблем теологического плана, которые обязательно предстоит решить. В личном или общецерковном плане — не суть важно. Безусловно, результатов работы церковных интеллектуалов с интересом будет ждать как научное сообщество, так и просто интересующиеся люди. Ведь проблема религии, вопреки (а, может, и благодаря) современному победоносному шествию секуляризма, продолжает оставаться в научном и общественном пространстве одной из ключевых. Что отчасти и продемонстрировал читательский спрос на книгу «Объясняя религию. Природа религиозного мышления».

¹ См. напр.: Кононова Е. П. Лобная область большого мозга. Л. : Государственное изд-во медицинской лит-ры, 1962. 176 с.

² Саркисов С. А. Развитие мозга ребенка. Л. : Изд-во «Медицина». Ленинградское отделение, 1965. 396 с.

³ Jeffrey L. Salver, M. D.; John Rabin, M. D. The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences, 1997, volume 9, number 3, special issue: the neuropsychiatry of limbic and subcortical disorders. Pp. 498–510.

Источники и литература

Буайе П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. Пер. с фр. — М. : Альпина нон-фикшн, 2017 — 496 с.

Кононова Е. П. Лобная область большого мозга. Л. : Государственное изд-во медицинской лит-ры, 1962. 176 с.

Саркисов С. А. Развитие мозга ребенка. Л. : Изд-во «Медицина». Ленинградское отделение, 1965. 396 с.

Jeffrey L. Salver, M.D.; John Rabin, M.D. The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences, 1997, volume 9, number 3, special issue: the neuropsychiatry of limbic and subcortical disorders. Pp. 498–510.

Aleksandr Khokhlov. Pascal Boyer About the Nature of Religious Thought. Review of the Monograph: Boyer P. *Explaining Religion. The Nature of Religious Thinking.* (Trans. from French). — Moscow: Alpina non-fiction, 2017 — 496 p.

The article is a review of the book by the famous French anthropologist Pascal Boyer, who is also a specialist in the field of cognitive science and evolutionary psychology. On the one hand, the author shows the specificity of the concept of the scientist in the context of modern theories of the origin of religious consciousness, on the other hand, he notes the limited approach of such studies. At the same time, the importance of P. Boyer's conclusions on the irreducibility of religiosity to the field of psychophysiology is fixed.

Keywords: religion, religious studies, psychology, biology, thinking, anthropology, Pascal Boyer.

Aleksandr Anatoliyevich Khokhlov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology at the Kazan (Privolzhsky) Federal University (Department of Ethnology and Anthropology) (a_radiance@mail.ru).